

Виктор Елманов

**Это я,
сразивший
чудовищ!**

Реальность документа
и фантазия вымысла

Виктор Сергеевич Елманов

Это я, сразивший чудовищ!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17190379

ISBN 9785447450069

Аннотация

Этих людей уже нет с нами... Нет... Зачем же тогда возвращаемся к тем, кого нет? Неужто останутся еще надолго провидческими слова Пушкина, что мы «любить умеем только мертвых»?.. Но ведь что-то значил их уход для нас! В книге Виктора Елманова представлены сценарии его документальных фильмов и историческая пьеса, написанная для радио.

Содержание

Автопортрет с бабочкой на плече	5
1	5
2	9
3	12
4	18
5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Это я, сразивший чудовищ!
Реальность документа
и фантазия вымысла
Виктор Елманов

© Виктор Елманов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автопортрет с бабочкой на плече

1

Фрагмент цветной любительской киносъемки с обсуждения выставки Николая Шувалова 22 марта 1980 года.

На первых кадрах, кроме шума кинопроектора, ни единого звука. Но вот торжественно и печально зазвучала музыка, начало 8 сонаты Бетховена.

Голос за кадром:

– Любительские кадры, которые вы сейчас видите, сняты 22 марта 1980 года на обсуждении юбилейной выставки Николая Шувалова.

Из потока кинохроники этого события появляются и исчезают крупные планы Игоря Дедкова, Татьяны Шуваловой, Виктора Бочкова, Николая Шувалова.

Голос за кадром:

– Игорь Дедков, литературный критик... Татьяна Шувалова, художник... Виктор Бочков, краевед... Николай Шувалов, художник... Этих людей уже нет с нами... Нет... Зачем же тогда возвращаемся к тем, кого нет? Что в этих воз-

вращениях? Неужто останутся еще надолго провидческими слова Пушкина, что мы «любить умеем только мертвых»?.. Но ведь что-то значил их уход для нас! Может, не что иное, как самый последний довод, после которого мы, отбросив равнодушие и предрассудки, сможем, наконец, увидеть «глазами душ» их души, услышать их голоса?..

Крупный план Н. Шувалова в контражуре.

Голос за кадром:

– Что хотел сказать нам Николай Шувалов? Какие тайны открыть? От чего предостеречь и над чем задуматься? Что значат сегодня его картины? Эта, эта или вот эта...

Картины Н. Шувалова: «Предки»; абстракция в черно-синеголубых тонах; натюрморт с парящими в пространстве яблоками и стеклянной вазой из цикла «Невесомости».

Голос за кадром:

– Николаем Шуваловым написаны портреты писателей, композиторов, музыкантов, иллюстрации к литературным произведениям. Зачем он это делал? Хотел так же, как они, заглянуть в бездонные пропасти бытия, постичь то, что постигли они?..

Портреты Н. Шувалова: Гоголь и персонажи его про-

изведений; Бетховен с огненно-красной шевелюрой; Скрябин на фоне цветных кругов-сфер; Паганини с занесенной над скрипкой рукой без смычка; иллюстрация к «Мастеру и Маргарите» (Воланд с черепом в руках в окружении своей свиты).

Голос за кадром:

– Вся жизнь Николай Шувалов писал с какой-то настоящей регулярностью свои автопортреты. Автопортрет, как форма самопознания, исповеди или предчувствия своего будущего?

Автопортреты Н. Шувалова: от самых ранних (акварель, карандаш) до более поздних, написанных маслом.

Голос за кадром:

– Вероятно, еще одно определение большого таланта – это предчувствие им своего будущего.

Первый «Автопортрет с бабочкой на плече».

Голос за кадром:

– В 1977 Шуваловым был написан «Автопортрет с бабочкой на плече». По одному из восточных преданий бабочка, севшая на плечо, вестник смерти.

Второй «Автопортрет с бабочкой на плече».

Голос за кадром:

– Позднее появится еще один «Автопортрет». И эта бабочка на плече была уже не из области преданий.

Под этим портретом в полной тишине название фильма «Автопортрет с бабочкой на плече».

2

Звуки сильных порывов ветра и тяжелая, почти траурная музыка.

На черном фоне белыми буквами надпись:

«Его нашли замерзшим на лыжне холодным, ветреным январским утром...»

Наезд на табличку, которая висит на столбе: «Остановка Пантусовская». Далее в черно-белом негативе: нижние ветви дерева с трепещущими листьями; качающееся, словно палуба корабля, поле; «перечеркивающие» друг друга стебли травы; одинокие стебельки на фоне неба.

Лицо Николая Шувалова со второго «Автопортрета с бабочкой на плече». Раздваиваясь, уменьшаясь, оно уносится вверх, в черноту неба.

На музыку Бетховена (8 соната) медленный наезд на автопортрет Шувалова, написанный на фоне цветных сфер.

Голос за кадром:

– Николай Васильевич Шувалов родился в 1929 году в Костроме.

Полумиксом сквозь портрет: Кострома, «Сковородка» (центр), съёмка с дельтаплана.

Медленный наезд на автопортрет Шувалова продолжается.

Голос за кадром:

– В августе 43-го, преодолевая страшную робость и, одновременно, подстегиваемый не менее страстным желанием, он решается и поступает в Костромское художественное училище Шлеина.

Лицо Шувалова на автопортрете все ближе и ближе.

Голос за кадром:

– После окончания училища Шувалов едет в Москву, где с 49 по 52-ой годы учится в институте декоративно-прикладного искусства.

Полумиксом сквозь портрет: памятник Минину и Пожарскому в Москве; набережная Петербурга со стороны Васильевского острова.

Голос за кадром:

– В 52 году институт переводят в Ленинград в высшее художественно-промышленное училище имени Мухиной. Однако это училище Шувалову так и не удалось закончить.

Проучившись год с небольшим, он заболел и вынужден был вернуться домой.

Крупный план лица Шувалова с автопортрета. Сквозь него, полумиксом, двухэтажный деревянный дом с окном на втором этаже (оно по размеру в два раза больше остальных), калитка, двор.

Напечатанный на пишущей машинке текст протокола №11 от 13 декабря 1954 года. Медленный проезд по нему.

Голос за кадром:

– А вот любопытный документ. Приблизительно через год после возвращения Николая Шувалова в недрах правления Союза художников и худфонда Костромской области организовывается осуждающее творчество Козлова, Муравьева и Шувалова заседание.

На тексте протокола цитаты из него:

«...формалистические убеждения...»

«... гнилость антинародных взглядов...»

«...Шувалов сказал, что партия лишает «свободы в творчестве...»

«...Предложить... освободить от работы в отделении фонда...»

Голос за кадром:

– К счастью шел не 37-ой, а 54-ый год. Протокол не стал приговором. Но это неприязненное отношение ревностных блюстителей соцреализма Николаю Шувалову придется почувствовать еще не раз.

В мастерской художника Сергея Румянцева.

Сергей Румянцев:

— Однажды я прихожу в организацию, идет собрание. Прорабатывают Шуваловых. Я еще с ними не встречался, ну, я только недавно приступил... Прорабатывают Шуваловых. Она, такая приятная женщина, красивая, и он такой Коля сидит, молодой человек, такой сбитый, в костюмчике. И их прорабатывают за то, что они в церквях работают в Костромском районе. Реставрируют, подновляют, где-то что-то и распишут...

В музее.

Виктор Игнатьев, директор музея:

— Здесь была его первая персональная выставка, именно в музее. Так-то были выставки персональные до этого, но в театре была, которую сняли тут же, буквально на второй, третий день, потом была выставка-отчет Муравьева, Козлова и Шувалова в худфонде, бурно обсуждавшаяся до хулиганских выходов со стороны так называемых художников-реалистов...

Картины Н. Шувалова разных лет, выполненных в разной стилистической манере: лица-рожи; орденосеи со сплю-

щенным лицом; Андрей Рублев; портрет Бетховена в мертво-синих тонах.

Голос за кадром:

– Снимали выставки, обвиняли в формализме, злорадствовали, что Шувалов не самостоятелен, слепо копирует разные течения и направления в живописи. Злорадствовали и не желали видеть, что он использует разные направления и течения, чтобы выразить свое, только свое... Но вернемся к тому роковому дню 24 января 1984 года.

Звуки сильных порывов ветра.

На черном фоне белыми буквами надпись:

«Он лежал на спине, чуть повернув голову к левому плечу. Дул колкий, порывистый ветер, наметая сугробы, обнажая промерзлую землю...»

Лицо Николая Шувалова со второго «Автопортрета с бабочкой на плече». Раздваиваясь, уменьшаясь, оно уносится вверх, в черноту неба.

В музее.

Виктор Игнатьев, директор музея:

– Удивительно холодной была зима, удивительно холодным был январь. Двадцать четвертого числа вот в этом зда-

нии на третьем этаже проходило обсуждение выставки Виктора Каткова, к которому Николай Шувалов относился внимательно и бережно. Он видел в его творчестве некое продолжение своего творчества. Одним словом, он ценил его. На обсуждение выставки Николай опоздал. Отговорили первые ораторы дежурные и вдруг в зале появился, из бокового входа в зал, Николай. Он был в пальто и, что было для него нехарактерно, без галстука, в одном свитере. Рядом со мной было свободное место, он подсел ко мне, мы с ним поздоровались. Рядом сидела жена моя, Наташа. Мы, не перерывая говоруна, обмолвились очень короткими фразами, а потом, когда удалась пауза, я спросил: «Николай, что ты не разделился? Там гардероб ведь работает в музее». И: «Что с тобой?». На его лице была какая-то маска немножко для меня, хорошо знающего его мимику, хорошо знающего, как светятся и что могут выражать его серые, добрые глаза, мне показалось какая-то маска отсутствия. И он, пожившись, сказал: «Мне что-то зябко сегодня».

В мастерской художника Сергея Румянцева.

Сергей Румянцев:

– Была выставка Каткова Евгения. То есть Виктора. Он там был, пришел, какой-то такой довольно печальный. Я запомнил.

В мастерской художника Виктора Каткова.

Виктор Катков:

– Я помню... Как открытие моей выставки было... Пришел пораньше... Ожидал, кто придет... Смотрю, идет Николай Васильевич. А погода в этот день была такая ледяная. Не в смысле там такой сильный мороз – 30—35 градусов, а вот сильный ветер и очень ледяной. Очевидно, перед морозом такое состояние погоды было. Я сразу обратил внимание, – он так поднимался в музей по лестнице, – легкие ботинки, пальто очень легкое. Я говорю: «Николай Васильевич, ты что это так легко вырядился? На улице свистит». «Да вот, понимаешь, – говорит, – промерз совсем».

В музее.

Виктор Игнатьев, директор музея:

– Вдруг произошла такая достаточно длительная пауза. Ну, она часто бывает во время обсуждений, когда ведущий обсуждения говорит: «Товарищи, ну, кто еще что-то скажет?» И вдруг попросил слово Николай. Откровенно говоря, я не помню дословно, чего он говорил. Но я помню, что он больше говорил о смысле творчества вообще. Не конкретно о творчестве Виктора Каткова, а как-то вообще говорил. О назначении художника, предназначении его в жизни, что художник – это над обществом, что его чувствования,

его мироощущения, — они выходят за рамки бытовой жизни, что все это и диктует художественную форму. И это как-то очень хорошо его мысль иллюстрировало творчество Виктора Каткова. Резонанса его выступление в общем-то не вызвало. Не произошло ответной реакции. Потому что и публики было не очень много. В основном были художники, которые, ну, я прямо скажу из опыта своей вот такой музейно-выставочной жизни, часто собиралось много людей, которые так: посидели, послушали, а потом... сидели в предвкушении, так скажем, заключительного акта, то есть маленького банкета.

Ну, а потом мы спускаемся по лестнице, я спрашиваю: «Ну, как у тебя дела, жизнь?» Он: «Да, Виктор, трудно». Его беспокоила в это время, очень беспокоила судьба, жизнь сына. Я говорю: «Николай, а в творческом плане?» Он говорит: «Ты знаешь, помнишь у меня стоял большой холст, на котором только прописан фон? Я все-таки хочу сделать огромный групповой портрет нашей костромской интеллигенции, где и уже ушедшие люди, и живущие люди, и мне нужно, чтобы ты пришел в мастерскую попозировать».

И вот уже здесь, в этом месте, выходя, он говорит, вдруг выпадая совершенно из контекста предыдущего, так скажем, разговора нашего, вдруг он сказал: «Ты знаешь, завтра Татьянин день, а она мне все время грезится». Слово-то какое употребил — грезится! Не видится, не там — снится, а именно грезится!

Автопортрет Татьяны Шуваловой.

Голос за кадром:

– Татьяна Владимировна – первая жена Николая Шувалова.

Работа Н. Шувалова «Двое» – совсем еще молодые Таня и Николай.

Фотография: Николай и Татьяна сидят за столом и что-то рассматривают.

Голос за кадром:

– Они родились в один год, в один месяц. По свидетельству очевидцев Татьяна и Николай воспринимались, как единое целое. И хотя они были разными по масштабу дарований художниками, но что-то большее, чем совместная жизнь и творчество объединяло их.

В мастерской художника Сергея Румянцева.

Сергей Румянцев:

– Потом мы оттуда поехали на поезде в Бухару. Поезд грязный такой, замызганный, пыльный. В Бухару приехали

в гостиницу, у нас там не получается ничего. Но вот нам дали в гостинице центральной местечко: домик хрущевского типа, а там трехкомнатная квартира. Это как гостиница. Мы как зашли, а там на полу сидят узбеки семьями. И она (хозяйка) говорит: «Пусть она (Татьяна Шувалова) здесь останется с женщинами, а вам на двоих тут комнатка небольшая». Я смотрю, Коля помрачнел. Они ведь никогда не расставались!

Портрет Т. Шуваловой (работа Н. Шувалова).

Фотографии: Николай и Татьяна у реки; Игнатьев, Шувалова и Шувалов; Шувалов и Шувалова с букетом цветов на выставке; Шувалов и Шувалова на выставке у картин Николая.

Портрет Т. Шуваловой в индийском стиле (работа Н. Шувалова).

Голос за кадром:

– Татьяна Шувалова умерла в 80-ом году.

Табличка: «Онкологический диспансер». Стена с полуболевшейся лепниной. Здание диспансера.

В музее.

Виктор Игнатьев, директор музея:

– Я видел его лицо на могиле Тани в момент ее погребения. Вдруг, и это зафиксировано даже фотоаппаратом, вдруг плачущее лицо Николая затормозилось, в какое-то мгновение просветлело, как будто бы он, образно говоря, принял ее зов уйти... Потом опять это все, опять его лицо исказилось гримасой плача... Он плакал, как плачут мужчины. Он не всхлипывал, он не вытирал нос рукавом, не лились слезы ручьем, что носовой платок становился мокрым, не было навзрыд выкриков. Он плакал весь. Глаза отяжелевшие были, отяжелевшие. Маска была, как вырезанная какая-то. Но это не была маска скорби, пиета. Это было горе, огромное горе человека.

Панорама зимнего кладбища. Заснеженные могилы, кресты, памятники. На одном из них сидит, нахохлившись, голубь.

Портрет Т. Шуваловой (работа Н. Шувалова), уменьшаясь, уносится вверх, в черноту неба.

Черно-белый крупный план Н. Шувалова (съемка с обсуждения выставки в 1980 году).

Голос за кадром:

– Как бы ни была горька утрата, но после смерти Тани Шувалов все же пытается вновь обрести жизненное равновесие, необходимое для творчества.

Квартира Татьяны Мирошниковой.

Голос за кадром:

– Его второй брак на Татьяне Васильевне Мирошниковой не был случайным. Многое здесь совпало: давнее знакомство двух Татьян...

Как бы сравниваются: портрет Т. Шуваловой и портрет Т. Мирошниковой (работы Н. Шувалова).

Голос за кадром:

– Какое—то внешнее сходство, внутренняя сила и магнетизм Татьяны Васильевны...

Татьяна Мирошникова:

– Николай Васильевич у нас жил три последних года. Он попал в то трагическое время, когда Татьяна Владимировна умерла и по силе обстоятельств, что он был дружен с братом, нас знал, я, как психиатр, он ко мне обращался, и так он остался у нас жить. За это время он как бы тихонько, тихонько как бы возрождался. Первые работы я его помню в такой в темной со светлой подсветкой такой лунной укроп, который любила Татьяна Владимировна. Потом портрет к го-

дине ее смерти. Затем портрет Николая Васильевича в черном. И потихоньку он как-то вошел в жизнь, появилась серия «Невесомости», серия «Паганини».

Три яблока, парящих в пространстве из серии «Невесомости», два портрета (акварель) Паганини.

Татьяна Мирошникова:

– На природу стали выезжать. Раньше, он говорил, связи с природой не имел. А здесь ему очень нравилось. Он искупался, как мальчик лежал на берегу, улыбался. Рад жизни был... И, действительно, Николай Васильевич раз жил, он работал, безусловно. Вставал очень рано и сразу брался за дело, что-нибудь в уголочке рисовал, писал.

На слова «раз жил, он работал» иллюстрация Н. Шувалова к «Мастеру и Маргарите» (бал Воланда).

Татьяна Мирошникова:

– И так у него легко, мы были свидетелями, как у него это все легко и здорово получалось.

Два портрета Т. Мирошниковой.

Татьяна Мирошникова:

– Действительно, не смею так сказать, но по нашему мне-

нию это был большой мастер. И он был человеком скромным, но все говорил, что и после меня кое что останется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.